

Научная статья
УДК 811.512.3:81
DOI: 10.18101/2305-459X-2020-4-70-78

К ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

© Тагарова Татьяна Бороевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры бурятской филологии, Институт филологии, иностранных языков, медиакоммуникаций Иркутского государственного университета
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
boroevna@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых проблем отыменного словообразования монгольских языков. Актуальность темы связана с необходимостью разработки наиболее важных принципов в создании исторического словообразовательного словаря монгольских языков. Признается необходимость определения исторических корней, суффиксов имен существительных бурятского, калмыцкого и халха-монгольского языков. Обосновывается необходимость уточнения происхождения суффиксов, которые могут быть иноязычными, выявление синонимичных, омонимичных суффиксов. Требуется семантическая характеристика корня словоформы ввиду возможных случаев омонимии. Лексический материал должен быть выбран из современных словарей и бурятских, калмыцких и халха-монгольских старописьменных памятников. Материал наглядно демонстрирует фонетические различия современных монгольских языков, как то: полногласие бурятского и старомонгольского языков, явление редуцирования в калмыцком и халха-монгольском языках. Предварительное изучение словообразовательных средств монгольских языков показывает продуктивность и непродуктивность суффиксов, что также должно быть отмечено в словарных статьях. Интересен вариант тематического словаря с точки зрения лингвокультурологии.

Ключевые слова: монгольские языки; историческое словообразование существительных; корень; суффикс; синонимия; омонимия; продуктивность; непродуктивность; фонетические различия бурятского, калмыцкого, халха-монгольского языков; старописьменные памятники.

Для цитирования

Тагарова Т. Б. К проблемам исторического словообразования существительных монгольских языков // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 70–78.

В последнее время все более возрастает интерес к изучению разных аспектов словообразования монгольских языков. Об этом свидетельствуют работы Э. Ч. Бардаева, Г. С. Биткеева, И. Д. Бураева, Л. Д. Шагдарова, М. Базаррагчаа, Л. Болда, А. Г. Митрошкиной, У.-Ж. Ш. Дондукова, С. Л. Чарекова, Л. В. Шулуновой, Д. Ш. Харанутовой и др. Сопоставительно-типологические исследования позволяют выявить как универсальные, так и дифференцирующие черты при образовании новых слов в разных языках. Этой проблеме по-

священы известные работы по родственным монгольским языкам Д. А. Сусеевой, Н. А. Баскакова, Ц. Д. Номинханова, В. И. Рассадина, А. М. Щербака), работы по словообразованию разноструктурных языков С. Галсана, Э. Равдана, Г. Жамбалсурена, А. А. Дарбеевой, С. М. Трофимовой, А. С. Жаргалова, О. Д. Бухаевой, В. В. Базаровой, С. В. Андреевой, Г. З. Сажинова, В. М. Егудуровой, И. О. Хинхаевой и др.

Думается, попытка обзора аффиксального образования отсубстантивных существительных будет иметь значение для последующих исследований по историческому словообразованию, по словообразовательной системе конкретных монгольских языков, при составлении словообразовательного словаря. Исследователям предстоит работа по составлению словообразовательных словарей бурятского и халха-монгольского языков, калмыцкий словообразовательный словарь, как известно, существует благодаря Д. А. Сусеевой.

С точки зрения исторического словообразования можно отметить, что известный востоковед В. И. Рассадин уделял особое внимание суффиксу *-sun*, доказывая, что это древнейший словообразовательный аффикс имен существительных [8 с. 152], маркер основ имен существительных, отграничивающий их от прилагательных, числительных в функции определения с маркировкой *-н* (например, халха-монгольское (х-м.) *mod* 'дерево', *модон* 'деревянный' и т. д.).

Как показывают наблюдения, данный исторический суффикс выделяется в следующих современных словах в усеченном или измененном виде, или можно заметить след этого суффикса: так, старописьменная монгольская форма (СПМ) слова 'грива' — *delsün*, бурятское (бур.) *дэлхэн* (*h/c*), х.-м. *дэл*, калмыцкое (калм.) *дел*; *manggirsun* 'дикий чеснок', ср. х.-м., бур. *мангир*, бур. диал. *маньйаһан*, калм. *мәңгирсн*; *kimulsun*, х.-м. *хумс*, бур. *хюмһан*, калм. *хумсн* 'ногти'; *aduᠠᠶᠤᠰᠤᠨ* х.-м. *адуу*, бур. *адууһан* 'домашний скот' (с *мал*), *адуун* 'табун лошадей', калм. *адусн* 'домашнее животное' (от **aduᠠᠶᠤ*) и т. д. При этом наблюдаются фонетические различия в монгольских языках в оформлении исторического суффикса *-sun*: *-с*, *-һан* (*-һон*, *-һэн*), *-сн*. Ср.: бур. *уһан* 'вода', *үһэн* 'волосы', *тоһон* 'масло', *шуһан* 'кровь', х.-м. соотв. *ус*, *үс*, *тос*, *цус* (здесь беглый *-н* проявляется при изменении формы слова) и т. д., восходящих к основам с **-sun*.

Это подтверждают примеры О. Самбуудоржа: х.-м. *аргал*, *хоргол*, *гутал*, *гадас*, *хурууд*, *гогод*, *гомдол* и др., ойр. диал. *аргас(ан)*, *хоргос(он)*, *гос(он)*, *гас(ан)*, *хурс(ан)*, *гогос(он)*, *гундас(ан)*, древние формы которых восстанавливаются следующим образом: **харгалсун*, **хорголсун*, **годулсун*, **гадалсун*, **хурудсун*, **гогудсун*, **гомдулсун* [6, с. 99]. Таким образом, автор справедливо заключает, что при реконструкции древних форм важную роль играет обращение к диалектным формам. Ср. бур. *аргал*, *хоргооһон*, *гутал*, диал. *годоһон*, *гадаһан*, *айрһан*, *гоогол*, диал. *гоогоһон*, *гомодол*.

Особый интерес по времени образования вызывают составные суффиксы. Как известно, у имени существительного монгольских языков суффиксы наряду с простыми (х.-м. *гар-ц*, бур. *гара-са*, калм. *һар-ц* 'переход, брод') могут быть и составными (бур. *ури-лд+аан*, х.-м. *ура-лд-аан* 'соревнование' и т. д.).

Возникновение производных (словообразовательных) форм относится к древнейшим временам, видимо, еще задолго до появления первых письменных памятников, которые фиксировали уже появившиеся в языке новые лексические образования.

Так, в Mongol-un Nigucha Tobchiyan ‘Сокровенное сказание монголов’ [15, 1240] можно выделить такие производные основы, как *үдүсүн* (§ 114, 145), бур. диал. *годоһон*, лит. *гутал*, х.-м. *годон гутал*, калм. *һосн*, здесь выделяется суффикс *-sun/-һон/-сн*; возможно, этот же суффикс имеется в слове *ürtesün* (§ 238), бур. *үртэһэн*, х.-м. *үртэс*, калм. *үүрэдиң*; *ungγasutu* (§ 85) определяет *tergen*, *туқулау* (в слове *туқулау* можно отметить суффикс *-лау* или *-ү*). На наш взгляд, здесь представлено относительное прилагательное с производной основой с суффиксом *-tu >та/-тэ/-то*, непроизводная основа — *ungγasun*.

Такие слова, как *kümüldürge* (§ 80), *qudarγa*, *уүгүга* (§ 199), демонстрируют суффикс *-rge/-rγa*, бур. *хүмэлдэргэ*, х.-м. *хөмөлдрөг*, калм. *көмрг*, бур. *хударга*, х.-м. *худрага*, калм. *худрһ*; бур. *урга*, х.-м. *уурга*, калм. *урха* с суффиксом *-rga/-рага/-ph/-ргэ/-рөг/-рг* и т. д.

Суффиксы, образующие существительные от разных частей речи, в языке MNT многочисленны. Мы приведем примеры существительных, образованных от существительных: *jiγasu-či*, бур. *загаһашан*, х.-м. *загасчин*, калм. *загсч*, *angγu-čin* бур. *ангуушан*, х.-м. *ангууч*, калм. *аңһуч*, *gede-sü гэдэһэн*, *гэдэс*, *гесн*, *пиγu-su нугаһан*, *нугас*, *нуһсн*, *belbe-sün*, *бэлбэһэн*, *бэлэвсэн*, *белвсн*, *mongγol-jin монголжон*, *монголжин*, *qar-цага*, *харсага*, *харцага*, *харцх*, *geγ-gei*, *гэргэн*, *гэргий*, *гергн*, *töči-г*, *мүшэр*, *мөчир*, *бүчр*; *qoro-qan*, *горхон*, *горхи*, *һорьк*, *ayı-taq*, *аймаг*, *ээмг*; *tuqu-laq* (§ 6), *tuqa-lai* (§ 55), х.-м. *мухлаг* и т. д.

Существительные от прилагательных: *qoj-uul* (§ 27), бур. *гозуули* ‘пень’ от *гозон* ‘торчащий, одинокий’, х.-м. *хожуул* ‘пень’ родственны *хожуу*, *хоцронгуй*, *хожимдож* (*qojıγu*), калм. *модна йозур* ‘пень’; *cegege* (§ 28), бур. *сэг-ээ* родственно *сагаан* ‘белый’, х.-м. *цэгээ*, *гүүний айраг*, *цагаан*; калм. *ээрг*; *časun*, *саһан*, *цас*, *цасн* ‘снег’, *adar-aa* (§ 46), бур., х.-м. *адар* (*хэдэр хэвцэг зан*), калм. *адрсн*, *адрһн* и т. д.

Таким образом, можно установить, что ко времени создания MNT [15] в старописьменном монгольском наблюдается активный словообразовательный процесс, включающий аффиксацию.

В памятниках бурятской письменной культуры, созданных на старописьменной монгольской графике, примеры аффиксального словообразования немногочисленны. Например, в летописи «История селенгинских монголо-бурят» (1868 г.) существительное старописьменного монгольского *kelemürči* > бур. *хэлэмэршэ* ‘переводчик’ от корня *хэл-* + суффикс *-мэр* + суффикс *-шэ*; *üyiledberi* > бур. *үйлэдбэри*, х.-м. *үйлдвэр*, где выделяется корень *үйл-/үйлэ-* + глаголообразующий суффикс *-де* + образующий существительное суффикс *-бэри*; *mügübči* > бур. *мүрэбшэ*, х.-м. *мөрөвч* просматриваются корень *мүр/мөр*, суффикс *-бшэ/-вч*, что подтверждает характерные для монгольских языков фонетические варианты аффиксов как следствие реализации закона сингармонизма и т. д.

Исследователями выявляется около ста словообразовательных суффиксов существительных в монгольских языках (в межъязыковых фонетических вариантах), например:

1) со значением 'человек':

-га/-h: *абга*, х.-м. *авга*, калм. *авh*; -гы/-гуй: *худагы*, х.-м. *худгуй*, калм. *худ эмгн*; -тан/тэ: бур., х.-м. *эрдэмтэн*, калм. *номта күн*; -ша/-ч: бур. *газарша*, х.-м. *газарч*, калм. *һазрч*; -шан/-чин/-ч: *хонишон*, х.-м. *хоньчин*, калм. *хөөч*, -уушан/-ууч/-ч/-һуч: бур. *ангуушан*, х.-м. *ангууч*, *анч*, калм. *аңһуч*; -мад/-гч: бур. *ахамад*, х.-м. *ахмад*, калм. *ахлагч*; -нсар/-нцар/-нчр: бур. *зээнсэр*, х.-м. *зээнцэр*, калм. *зеенчр* и т. д.;

2) со значением 'животное, растение':

-ан/-н: бур. *гунан*, х.-м. *гуна(н)*, калм. *һунн*; -гшан/-гч/-гчн: бур. *борогшон*, х.-м. *борогч*, калм. *боргчн*; -жан/-ж/-жн: бур. *дүнжэн*, х.-м. *дөнж*, калм. *дөнжн*; -лан/-лсн: *шүдэлэн*, х.-м. *шүдлэн*, калм. *шүдлсн* 'двухгодовалый скот'; -лдай: бур., х.-м. (*алтан*) *гургалдай*, *аб(в)галдай*; -та/-тан/-т: *араата*, х.-м. *араатан*, калм. *арат* 'лиса'; -муур/-мор: бур. *булжамуур*, х.-м. *болжмор* (калм. *торһа* 'жаворонок'); -тан/-тнр: бур. *жэгүүртэн*, х.-м. *жигүүртэн*, калм. *жсивртнр*, *жсивртэнр*; -ргана/-рһн: бур., х.-м. *алтаргана*, калм. *алтарһн*; -гана/-лзгана/-һн: бур. *улаагана*, х.-м. *улаалзгана*, калм. *улаһн* и т. д.;

3) со значением 'предмет, утварь':

-та: бур. *амһарта* (х.-м. *сав суулга*, *хувин*, калм. *сав*, *сав-саңх*, *сав-сарх*, *ааһ-шанһ*); -бша/-вч/-вш: бур. *хүбшэ*, х.-м. *хөвч*, бур. *тооробшо* (калм. *тоорцг*), бур. *тобшо*, х.-м., калм. *товч*; -лжан/-лжин/-лжн: бур. *гурбалжан*, х.-м. *гурвал-жин*, калм. *һурвлжн*; -саг: бур. *оёорсог*; -лиг/-цг: бур. *бэһэлиг* (х.-м. *бэлзэг*, *бөгж*, калм. *билцг*, *төөлг*); -за/-з: бур., х.-м. *хүрз(э)*, калм. *күрз*; -м: бур. *үрэм*, х.-м. *өрөм*, калм. *өрм*; -уур/-гуур/-ур: бур. *хадуур*, х.-м. *хадуур*, калм. *хадур* и т. д.

Приведенные примеры демонстрируют широкий объем монгольских суффиксов с некоторыми различиями в развитии суффиксов и семантики слов, например бур. *тобшо* и х.-м., калм. *товч* ('пуговица', 'краткость точность'). Также некоторые понятия могут быть переданы разными словоформами, разными звуковыми оболочками, например бур. *булаша*, х.-м. *бин*, калм. *һуйр* 'лепешка' и т. д. Здесь возможно влияние других языков, тюркских, китайского и т. д.

В ходе исторического развития понятие продуктивности или непродуктивности той или иной модели было исторически изменчивым. Так есть суффиксы, которые были продуктивными в прошлом (например, -ган: *үнэгэн* 'лисица', *хурьган* 'ягненок', *тарбаган* 'степной сурок'), но в современных монгольских языках выпали из активных словообразовательных средств языка.

В современных монгольских языках наблюдается активное функционирование древних суффиксов, которые были и в старописьменном монгольском языке. Так. отметим, что в § 192 MNT [15] в контексте <...> *baourċi*, *eudnċi*, *aqtaċi üdür kesik oroju* <...> Пусть виночерпии, привратники и коневоды днем находятся в ставке <...> в словах *baourċi*, *eudnċi*, *aqtaċi* определяем суффиксы, образовавшие существительные от корней *baour*- 'котел' (в пер.

С. А. Козина на русский язык — ‘кравчие’, т. е. ведающие столом [15, с. 85], в пер. на бурятский — *тогоошо*, т. е. повар [15, с. 103]), *euᠳᠠ*- ‘дверь’, *aqta*- ‘конь’. Данный суффикс передает значение профессиональной принадлежности, характеристики человека по владению каким-либо умением. Ср. совр. бур. *газарша* ‘проводник’, *эмшэн* ‘врач’ и т. д., калм. *һазрч*, *эмч* и т. д., х.-м. *бууч* ‘стрелок’, *шогч* ‘остряк’, *зууч* ‘посредник’ и т. д. В современном языке можно считать этот суффикс продуктивным.

При рассмотрении же исторических процессов словообразования, членении слова на морфемы невозможно обойтись без обращения к этимологическому анализу. Например, на наш взгляд, с большой долей вероятности можно предположить, что х.-м. *хөгжим*, бур. *хүгжэм*, калм. *көгжм* исторически образованы от *хөг-/хүг-/көг-*. Существуют родственные, однокоренные слова: х.-м. *хөг*, *хөгтэй*, *хөгжөөн*, *хөгжилтэй*, *хөгжилдөх* и т. д., калм. *көг* муз. I гармония, настройка, II с.-х. случное время, *көгжэлтэ* развитый, развивающийся, *көгжм* музыка и т. д. На наш взгляд, семантическим знаменателем можно поставить значение ‘эмоционального подъема’ (в том числе и от музыки).

Глаголы *хөгжих* и *хөгжөөх*, вероятно, также соотносились в раннее время с семантическим полем ‘веселье’, если связать с тем, что следствием развития, процветания может быть психологическое состояние радости, душевного подъема. В бурятском языке, возможно, *хүгжэм* соотносится со словом *хүхихэ*, *хүгжэхэ* и т. д., в калмыцком — *хөкр* ‘веселый, шутливый’ и т. д., т. е. можно выделить исторический корень *хөг-/хүг-/көг-*.

На синхронном уровне в основе *хөгжим/хүгжэм/көгжм* аффиксы не выделяются, но на диахронном уровне можно, на наш взгляд, выделить исторический суффикс *-жим/-жэм/-жм*. Данный суффикс является непродуктивным в настоящее время для образования существительных.

При определении исторического суффикса важным фактором является выявление его происхождения, так, ученые выявляют их иноязычное происхождение, например тюркские морфологические элементы. Так, количество аффиксальных морфем тюркского происхождения в бурятском языке значительно, хотя не все они продуктивны, отмечает А. М. Щербак [14, с. 92]. Это, среди прочих, суффиксы отыменного образования имен тюркского происхождения:

-*šan* ~ *šen* (-*ša*, -*še*): бур. *abaralša(n)*, *altaša*, *tümerše(n)*, калм. *aduč*, *balč*, *emč*, х.-м. *düčün*, *dzagasč(in)* и т. д.; -*sag* ~ *sog* ~ *seg*: бур. *oronsog*, *hūlgansag*; *maxasag*, *emeseg*, калм. *ingsg*, х.-м. *sarimsag* и т. д.; -*gana* ~ -*gene*: бур. *altargana*, *gü-lzörgene*, х.-м. *balčirgana*, *dzedgene* и т. д.; -*darga* ~ -*derge*: *belterge*, *hagaldarga*, калм. *ultrg*, х.-м. *beltreg*, *segeldreg* и т. д. [14, с. 92–100].

Приведенные суффиксальные образования представляют собой интерес с исторической стороны — как эти формы передаются в древних монгольских памятниках письменности, какие изменения претерпели суффиксы до современного состояния языка.

Несомненный интерес представляет собой развитие явления синонимии, омонимии суффиксов. Так, Д. А. Сусеевой выделяется синонимический словообразовательный тип, когда словообразовательные значения близки по смыслу: (отглагольные образования) *көөвр* ‘угон, перегон скота’ и *көөгүл* ‘угон’ и т. д. [9, с. 156]. Омонимические типы имеют тождественные формальные показатели (суффикс *-вр*): *дасвр* ‘привычка’, *келвр* ‘рассказ’ и *улавр* ‘красноватый’, *көквр* ‘синеватый’, где производящие основы относятся к разным рядам речи — к существительному и прилагательному [там же, с. 163]. И в бурятском языке имеем *туулмаг* мешок, *шүүмэг* сито (существительные) и *холимог*, *хухамаг* (прилагательные) (суффикс *-маг*) и т. д. Хотя можно заметить переход последних в разряд существительных.

Следующие исторические суффиксы в словах *ta-γā* ‘отгадывать’ ~ *ta-γā* ‘покой, уют’, *to-γā* ‘количество’ ~ *to-γū* ‘оказывать внимание’, *ta-la* ‘поле, степь’ ~ *ta-la* ‘грабить, убивать’, *bu-qa* ‘бык’ ~ *bu-qa* ‘сбрасывать, отказываться’, *bügi-n* ‘всякий, полный’ ~ *bügi-* ‘покрывать’, *jū-i* ‘сущность, принцип’ ~ *jū-yi* ‘составлять из отдельных частей’ являются показателем и имени, и глагола [4, с. 53]. Ср.: бур. производные основы: *тааха*, *таабари* ~ *таатай*, *таараха*; *тоолохо* ~ *тоохо*; *буха* ~ *бухаха*; *бүрин* ~ *бүрхөөхэ*, *бүрэхэн*; *зүй* ~ *зүйхэ*, *зүйдэл* и т. д.; х.-м. *таах*, *таавар* ~ *таатай*, *таарах*; *тоолох* ~ *тоох*; *тал* ~ *талах*; *бух* ~ *бухах*; *бүрэн* ~ *бүрэх*, *бүрэхэ*, *бүрээс*; *зүй* ~ *зүйх*, *зүйдэл* и т. д.; калм. *таах*, *тавр* ~ *тааста*, *таарх*; *тоолх* ~ *тоох*; *бух* ~ *бухх*; *бүрн* ~ *бүркх*, *бүрэсн* и т. д.

В XX в. для бурятского языка особенно продуктивными были суффиксы, посредством которых образуются отвлеченные отглагольные и личные существительные (названия профессий, рода деятельности).

Л. Д. Шагдаров отмечает, что аффиксальный способ, наиболее продуктивный в начальный период становления бурятского литературного языка, уступает место составным образованиям и терминам-словосочетаниям: *хэмэл одон* ‘спутник’, *үнэтэ зүйл* ‘ценность’, *эгээл дээдын хүсэтэй байлга* ‘верховенство’, *мэдэжэ эрхилэлгэ* ‘ведение’, а также заимствованиям ‘статус’, ‘рейтинг’, ‘референдум’ и др. [13, с. 63–66].

В целом современные суффиксы, образующие существительные, соотносимы с их положением в старописьменном монгольском языке (СПМЯ). Семантика, функции исторических суффиксов вполне понятны, они развивались по законам сингармонизма, присущего монгольскому языку. Отличия между данными языками сводятся в основном к явлениям редукции гласных звуков. Сильнее всего редуцированы гласные в суффиксах калмыцкого языка. Бурятский язык имеет общую черту со старописьменным монгольским — полногласие, что не приводит к резкому отличию суффиксов этих языков. Особенностью монгольских суффиксальных морфем является то, что иногда одна и та же морфема может выступать и в качестве словообразующей, и в качестве словоизменяющей. Например, некоторые падежные окончания (бур., х.-м. *ухаан* > *ухаатай*, калм. *ухан* > *ухата*, где соответственно ум > с умом/умный), суффиксы множественного числа (*-тан* — *ахатан*) (бур., х.-м. *оюун* > *оюутан*, где соотв. разум > студент, *сэхээ* > *сэхээтэн*, где соотв. интеллект > интеллигент, интеллигенция).

Аффиксальный способ широко распространен в монгольских языках, с превалированием глагольного словообразования. Например, х.-м. *хавчаар* ‘скрепка’, ‘зажим’ от глагола *хавчих* ‘зажимать’ образовано при помощи суффикса *-аар*, старописьменная монгольская форма — *qabčiyagi* — *хавчих хэрэгсэл*; *үдээс* ‘степлер’ от глагола со значениями ‘простегивать’, ‘шнуровать’, ‘сшивать ниткой’ (*хана үдэх* ‘прикреплять части юрты’) произведена при помощи суффикса *-ээс*, СПМЯ — *üdegesü* и т. д. В бурятском языке подобные новые понятия обозначаются заимствованиями с русского языка или англицизмами.

Некоторые суффиксы с течением времени «омертвели» и «слились» с корнем, и в настоящее время они воспринимаются как часть корня: калм. *темдг*, бур., х.-м. *тэмдэг* (исторический суффикс *-*дэг*) и т. д. При сравнении старописьменного монгольского языка памятников можно заметить отсутствие или редкое использование суффиксов *-лга/-лтэ*, *-лта/-лтэ*, *-бури/бүри* и некоторых др. в «Mongol-un Nigucha Tobchiyan» и их продуктивность в старобурятских памятниках XIX в.

Таким образом, монгольские языки отличаются богатством и разнообразием словообразовательных суффиксов, а выявление исторических морфем, в частности именных суффиксов, имеет важное значение в развитии исторического словообразования, в исследовании этимологии монгольских языков.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 295 с.
2. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986. 134 х.
3. Базаррагчаа М. Монгол үгийн гарлыг мөшгөх нь. I. Улаанбаатар, 1992. 183 х.
4. Базаррагчаа М. Словообразование в древнемонгольском языке // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Институт языкознания РАН: Канцлер, 2015. С. 48–61.
5. Монголой нюуса тобшо / Ч.-Р. Намжиловой оршуулга = Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. Улаан-Удэ : Бурядай номой хэблэл, 1990. 318 н.
6. Самбуудорж О. Үгийн эртний хэлбэрийг сэргээн тогтооход нутгийн аялгуунуудын авианы тохирлын үүрэг // «Монгол туургатны эрт ба эдүгээ» олон улсын эрдэм шинжилгээний V чуулган. Улаанбаатар: Монгол Улсын ШУА, МУБИС, Токиогийн Гадаад Судлалын Их сургууль, 2017. 98–100 тал.
7. Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 182 с.
8. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. 2-е изд. Элиста: Изд-во КГУ, 2011. 239 с.
9. Сусеева Д. А. К вопросу о словообразовательной парадигме в калмыцком и монгольском языках // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Институт языкознания РАН: Канцлер, 2015. С. 485–507.
10. Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Өнөрбаян Ц. Монгольское словообразование: структура и способы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 261 с.
11. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 240 с.

12. Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» (исследование, текст, транслитерация, перевод, переложение). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.
13. Шагдаров Л. Д., Шагдарова Д. Л. Сложное слово в бурятском языке: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 250 с.
14. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / Ин-т лингвист. исслед. РАН; Ин-т гуманитар. исслед. АН Республика Саха (Якутия). СПб.: Наука, 2005. 195 с.
15. Mongol-un Nigucha Tobchiyan (Mongolian chronicle of 1240) / переложение Ц. Дамдинсуреана. Ulan-Bator, 1947. 283 с.

Словари

16. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: АCADEMIA. Т. 1. А-Г. 486 с. 2001. Т. 2. Д-О. 507 с. 2001. Т. 3. Θ-Ф. 438 с. 2001. Т. IV. Х-Я. 502 с. 2002.
17. Кручкин Ю. Орос-монгол — монгол-орос орчин үеийн хэлний дэлгэрэнгүй толь бичиг. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 921 с.
18. Хальмг-орс толь. Би хальмг кел дасчанава. Ясврта, немртэ 2-гч харц. / сост. Э. Ч. Бардаев [и др.] Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 1016 с.
19. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи: в 2 т. Рос. акад. наук, Сиб. отд., Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010.

ON THE PROBLEMS OF HISTORICAL WORD FORMATION OF MONGOLIAN NOUNS

© *Tatiana B. Tagarova*

Science doctor in Philology, associate professor,
professor of the Buryat Philology department
of Institute of Philology, Foreign languages,
Media Communications of Irkutsk State University
8 Lenina St., Irkutsk, 664003 Russia
boroevna@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of some problems of the word formation of the Mongolian languages. The relevance of the topic is related to the need to develop the most important principles in creating a historical dictionary of the Mongolian languages. It is recognized that it is necessary to determine the historical roots and suffixes of nouns in the Buryat, Kalmyk, and Khalkha-Mongolian languages. It requires clarification of the origin of suffixes that may be foreign-language, identifying synonymous or homonymous suffixes. Semantic characteristics of the root of the word form are required due to possible cases of homonymy. The lexical material should be selected from modern dictionaries and Buryat, Kalmyk and Khalkha-Mongolian old-written monuments. The material clearly demonstrates the phonetic differences of modern Mongolian languages, such as the fullness of Buryat and old Mongolian languages, the phenomenon of reduction in Kalmyk and Khalkha-Mongolian languages. A preliminary study of the word-forming means of Mongolian languages shows the productivity and unproductivity

of suffixes, which should also be noted in dictionary entries. An interesting variant is thematic dictionary from the point of view of linguoculturology.

Keywords: Mongolian languages; historical word formation of nouns; root; suffix; synonymy; homonymy; productivity; unproductivity; phonetic differences of Buryat, Kalmyk, Khalkha-Mongolian languages; old written monuments.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020, одобрена после рецензирования 13.11.2020, принята к публикации 24.12.2020.